

Пенькова Яна Андреевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
amoena@inbox.ru

К истории неопределенных местоимений: квазирелятивы на *ни буди* и *ни есть* в русском языке XVII–XVIII вв.*

Для цитирования: Пенькова Я. А. К истории неопределенных местоимений: квазирелятивы на *ни буди* и *ни есть* в русском языке XVII–XVIII вв. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (1): 114–137. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.107>

Статья посвящена исследованию квазирелятивов на *ни буди/ни есть*, конкурирующих в русском языке XVII–XVIII вв. и претендующих на роль нереперентного неопределенного местоимения. Результатом этой конкуренции стала победа конструкций на *ни буди*, послуживших источником неопределенных местоимений с формантом *нибудь* в современном русском языке. Исследование выполнено на материале исторического модуля Национального корпуса русского языка, а также подкорпуса текстов XVIII в. в рамках основного корпуса. Квазирелятивы на *ни буди* и *ни есть* сравниваются по нескольким параметрам: частотности, семантической дистрибуции, степени фразеологизации и стилистической маркированности. В текстах XVII в. обе конструкции имеют достаточно низкую частотность и употребляются в ограниченном круге источников: преимущественно в деловых памятниках, а также в некоторых летописях и бытовых текстах. В этот период еще нельзя говорить о полной грамматикализации форманта *нибудь* в составе местоимения. В текстах XVIII в. частотность квазирелятивов на *ни буди* — в отличие от *ни есть* — резко возрастает. Конструкции на *ни буди* проникают в различные функциональные сферы литературного языка, в том числе в духовную литературу. Конструкции на *ни есть* не смогли преодолеть этот рубеж, сохраняясь в языке XVIII в. только как маргинальные архаизмы. Семантика квазирелятивов на *ни буди* в рассматриваемый период отличалась от местоимений на *нибудь* в современном русском языке: последние существенно сузили свою сферу дистрибуции, утратив возможность употребляться в роли местоимений произвольного выбора.

Ключевые слова: грамматикализация, история русского языка, квазирелятивы, Национальный корпус русского языка, неопределенные местоимения.

*Ревнование есть род ревности,
возбуждающее нас с кем-нибудь поравняться
или кого превзойти
в чем ни есть похвалы достойном.*

Д. И. Фонвизин. Опыт российского словника

Особенности семантики и дистрибуции неопределенных местоимений в истории русского языка практически не изучены, тогда как в исследованиях по совре-

* Автор благодарен анонимным рецензентам журнала за ценные замечания и примеры из текстов XVIII в. на особое употребление конструкций на *нибудь*, не представленное в НКРЯ.

менному русскому языку этим структурам всегда уделялось широкое внимание¹. Настоящая работа посвящена одному неисследованному вопросу в истории неопределенных местоимений: конкуренции структур типа «местоимение + *ни будь*» (позднее — *ни будь* → *нибудь*)/«местоимение + *ни есть*» в русском языке XVII–XVIII вв. Выбор периода неслучаен: именно в это время завершается процесс грамматикализации данных конструкций, резко возрастает частотность местоимений с формантом *нибудь*, происходит проникновение этих ранее маркированно не книжных конструкций в основные литературные жанры, в том числе духовную литературу; иными словами, выход на авансцену новых неопределенных местоимений находится в непосредственной связи с процессом становления литературного языка нового типа, поиском новой языковой нормы и во многом определяется необходимостью ее формирования.

***Нибудь*-местоимения в русском языке: история вопроса**

Местоимения с формантом *нибудь* принято описывать как экзистенциальные нереферентные [Падучева 1985: 210; Падучева 2015], т. е. не индивидуализирующие объект, не устанавливающие референцию. Согласно исследованиям М. А. Шелякина и Е. В. Падучевой [Шелякин 1978; Падучева 1985: 215–219], в современном русском языке *нибудь*-местоимения употребляются в четырех типах ситуаций:

- в ситуации-альтернативе (условие, вопрос, контекст дизъюнкции или действии оператора ‘возможно’, ср.: *Или он спит, или куда-нибудь ушел*);
- в ситуации, относящейся к плану будущего (в побудительном и целевом контексте, в контексте модальных слов и глаголов пропозициональной установки, ср.: *Она пошла купить **чего-нибудь** поесть; Он просит вас спеть **что-нибудь***);
- в дистрибутивной ситуации (ср.: *Каждый день со мной случается **какое-нибудь** несчастье*);
- в ситуации с неизвестным участником (ср.: *Видимо, ее встречал **кто-нибудь** из родственников*).

У различных типов неопределенных местоимений своя специфика употребления в разных функциональных стилях, неопределенные местоимения в тех или иных значениях могут вступать в отношения стилистической синонимии [Кузьмина 1989]. Неопределенные местоимения на *нибудь* могут выражать отрицательную оценку, в [Князев 2007: 82–95] показана взаимосвязь между их неререферентностью и склонностью к пейоративным употреблением («высокая оценка уникального, „единственного в своем роде“ объекта и, напротив, сниженное, пренебрежительное отношение к тому, кто (что) является всего лишь одним из „множества равных ему“»), ср.: *Да кто он, этот Алехин?! **Какой-нибудь** выдвиженец — наверняка из деревни!* [Князев 2007: 83].

Структуры со значением неопределенных местоимений, не до конца грамматикализованные и не входящие в традиционный перечень разрядов кванторных слов данного типа (например, *кто попало, угадай кто, что хочешь* и т. п.), описаны в исследованиях Е. Г. Былиной и Я. Г. Тестельца [Былина, Тестелец 2005], а так-

¹ См. обзоры этих работ в [Růžička 1973; Селиверстова 1988: 52–60].

же Г. И. Кустовой [Кустова 2015]. Одной из разновидностей данного типа являются квазирелятивы — конструкции, возникшие на основе редукции относительных придаточных (*бери то, что хочешь* → *бери **что хочешь***). Конструкции на *ни буди/ни есть* в русском языке XVII–XVIII вв. также представляли собой квазирелятивы:

- (1) Ивану Петровицу не вступатися въ Есипову отцину и в Матигорские і в ыные земли, в **которые ни буди**² (Раздельная Ивана Петровича и Осипа Терентиевича на село на Лисеострове. Первая треть XV в., сп. XVII в.) [ГВНП № 137: 191];
- (2) А не вступатся Матфѣю въ Федоровы... села на Хохули... **гдѣ ни есть** в Ксочкомѣ погостѣ (Рядная Федора Акинфовича, его жены и детей с Матвеем Ивановичем на наследуемую ими землю Федора Максимовича и Федора Дмитриева. XV в.) [ГВНП № 122: 181].

Называть эти конструкции неопределенными местоимениями как минимум до XVIII в. не совсем корректно, так как они представляют собой еще не до конца грамматикализованные сочетания, сохраняющие некоторые признаки автономности входящих в их состав компонентов (см. ниже). По этой причине и для удобства обсуждения мы будем называть обе конструкции квазирелятивами.

Неопределенные местоимения в современном русском языке с типологической и с синхронной точек зрения достаточно хорошо изучены. В типологических исследованиях [Haspelmath 1997; Татевосов 2002] неопределенные местоимения описывают так же, как и грамматические морфемы, — с помощью семантических карт, так как показатели грамматических категорий и кванторные слова, к которым принадлежат неопределенные местоимения, объединены рядом общих особенностей: и те и другие образуют закрытые классы дополнительно распределенных единиц, применимы к открытому классу лексических единиц, характеризуются высокой частотностью в тексте, обладают обобщенным и абстрактным значением, благодаря чему имеют мало лексических ограничений [Татевосов 2002: 49]. Семантические карты неопределенных местоимений в современном русском языке см. в [Татевосов 2002: 141].

М. Хаспельмат выделяет несколько источников грамматикализации неопределенных местоимений, среди которых интересующий нас тип ‘может быть’ («it may be») [Haspelmath 1997: 135–140]. К данному типу относятся и квазирелятивы «мест. + *ни буди*»/«мест. + *ни есть*». Согласно выводам Хаспельмата, первичным значением неопределенных местоимений этого типа является значение произвольного выбора, в дальнейшем данные структуры склонны семантически эволюционировать в универсальные кванторные слова или в нереферентные неопределенные местоимения (серия на *нибудѣ* в современном русском языке).

Одним из характерных свойств неопределенных местоимений в языке является их мультифункциональность, т. е. возможность различных структур употребляться в одних и тех же типах контекстов. Так, в современном русском языке в некоторых типах контекстов конкурируют *то-* и *нибудѣ-* местоимения [Падучева 1985: 219–220; Падучева 2015]. Семантическая эволюция неопределенных местоимений связана с постепенным ослаблением эмфатического выделения, ср.: «...the semantic grammaticalization of indefinite pronouns is primarily weakening of emphasis»

² Здесь и далее примеры приводятся в упрощенной орфографии.

[Haspelmath 1997: 154]. Это также неизбежно приводит к конкуренции между разными формантами. В русском языке XVII–XVIII вв., претендуя на роль форманта неопределенного нереферентного местоимения, между собой конкурируют квази-релятивы на *ни буди/ни есть*.

В исторической русистике специальные исследования, которые были бы посвящены формированию системы неопределенных местоимений, чрезвычайно редки. Истории неопределенных местоимений в русском языке посвящена работа Л. Маловицкого [Маловицкий 1971: 61–94]. Наиболее значимым результатом данного исследования служит описание дистрибуции вопросительных местоимений в значении неопределенных в древнерусском языке и выявление характерных для них типов употребления, к которым принадлежат условные предложения, вопросительные и ирреальные предикации, сочетания с местоимениями *иной, другой*, ср.:

- (3) Аще будеть на **кого** поклепная вира, то же будеть послуховъ ·ѣ·, то ти выведуть виру. (Правда рус. (пр.), 105. XIV в.) [СлРЯ XI–XVII: 101].

Примерно те же типы употребления, которые были характерны для вопросительных местоимений в функции неопределенных в древнерусском языке, в современном русском типичны для местоимений на *нибудь*. Иными словами, последние заняли ту нишу, которую в древнерусском занимали вопросительные местоимения (типа *кто, что* и т. п.) в функции неопределенных. Возможность такого употребления вопросительных местоимений в современном русском языке до сих пор отмечается исследователями, однако признается элементом разговорной речи или даже просторечия, ср. пример из [Кузьмина 1989: 189]: *Подарки какие давали?*

В работе Маловицкого функционирование местоимений на *нибудь* описано менее подробно и преимущественно на позднем материале XIX–XX вв., семантическая эволюция структур данного типа не прослежена. Кроме того, вне поля зрения остались и конструкции, утраченные в ходе истории русского языка и так и не закрепившиеся в качестве неопределенных местоимений, такие как «мест. + *ни есть*».

Судя по всему, единственным исследованием, в котором прослеживается историческое развитие системы неопределенных местоимений в русском языке, является статья о местоимениях в составе энциклопедического словаря под редакцией В. Б. Крысько [Кузнецов и др. 2020]. Однако жанр статьи в энциклопедическом словаре не позволяет подробно обсуждать более частные аспекты, связанные с историей неопределенных местоимений. Некоторые из таких аспектов — возникновение конструкций на *ни есть* и их конкуренция с конструкциями на *ни буди* в раннесреднерусских памятниках XV в., соотношение местоимений с формантами *ни буди* и *либо/любо* — анализируются в [Пенькова 2011; Пенькова 2016а; Пенькова 2017а]. Целью настоящей работы является исследование еще одного аспекта из истории неопределенных местоимений, а именно дистрибуции и конкуренции квазирелятивов на *ни буди* и *ни есть* в русском языке XVII–XVIII вв.

Конструкции «мест. + *ни буди/ни есть*»: предыстория

Время первой фиксации в письменности обобщенно-уступительных структур типа «мест. + *ни буди*» — вторая половина XIV в.:

- (4) Тако же и намѣстници наши, и ямыщици, и писци, и пошлиньники, **кто ни буди** [‘кем бы ни были’], атъ не въѣздятъ, ни всылають... ни по что (Гр. 1361–1365 гг. (твер.)) [СДРЯ, т. IV: 377].

В [Пенькова 2011; Пенькова 2017а] показано, что для квазирелятивов «мест. + *ни буди*» прежде всего характерны употребления в следующих типовых ситуациях: ситуации-альтернативе и ситуации-обобщении. Ситуация-альтернатива предполагает выбор только одного участника из множества возможных (5). Ситуация-обобщение такого выбора не предлагает, напротив, она задает критерий, по которому отбираются все возможные участники ситуации (6), ср.:

- (5) А что ми слышав ѡ вашем добрѣ или ѡ лисѣ ѡт **кого ни буди** [‘от кого бы то ни было, от кого угодно’], а то ми вамъ поведати въ правду (Докончание великого князя Ивана Васильевича с князем углицким Андреем Васильевичем. 1486 г.) [ДДГ, № 826: 326];
- (6) А что еѣ купли, Романов городок, и Шокстна, и иные волости и села, в **которых** городѣх **ни буди** [‘во всех, в каких угодно, в любых городах’], в том волна моа кн(а)г(и)ни (Духовная грамота великого князя Василия Васильевича. 1461 г.) [ДДГ, № 61а: 196].

Ситуация-альтернатива выделяется и для современных местоимений на *ни-будь* [Падучева 1985], тогда как ситуация-обобщение в классификации Падучевой отсутствует, поскольку не характерна для *нибудь*-местоимений в современном русском языке.

В этот же период получают распространение структурно аналогичные конструкции с частицей *ни* в соединении с формой презенса *есть* типа «мест. + *ни есть*». Эти структуры также ведут свое происхождение от конструкций с уступительной частицей *ни* или более архаичной частицей *нѣ* в соединении со спрягаемыми формами презенса от *быти*, впоследствии утрачивающими словоизменение:

- (7) по погостомъ и по свободамъ, **гдѣ нѣ соуть** хр(и)стияне [‘где бы ни были’] (Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных) [Зализняк 2004: 192].

Согласно исследованиям М. Н. Шевелевой, связка мн. ч. *суть* примерно к концу древнерусского периода приобретает статус маркированно книжного элемента, постепенно выходя из живого употребления [Шевелева 2002: 62]. В это же время в деловых грамотах появляются первые примеры структур с несогласованным в числе *есть*, ср.:

- (8) А ѡ Салниковѣ рѣчкѣ до сѣго сѣса села **гдѣ ни есть** [‘везде’] ѡѣна наша... а за Григорьевы(м) селомъ в наволокъ села **гдѣ ни есть**... а в тыи села Василью Федорови(ч) не вѣступатци. (Гр. XIV (6)) [СДРЯ, т. V: 400].

Ср. также пример с частицей *но*³:

- (9) А что ся останет золото или серебро или иное **что но есть** [‘что угодно’], то все моеи кнагинѣ (Духовная вторая Дмитрия Донского. 1389 г.) [Зализняк 2004: 192].

³ О параллелизме частиц *ни*, *нѣ* и *на* см. [Зализняк 2004: 198–202].

Конструкции на *ни есть* рассмотрены в [Шевелева 2006] на материале Псковской третьей летописи в ряду других конструкций с избыточным *есть*. Особенно показательным, на наш взгляд, является следующий пример — с контаминацией форм императива и презенса, где *буди* служит, по-видимому, для усиления конструкции на *ни есть*:

- (10) И абие новгородци прогониша нашихъ, и **что ни есть боуди** [‘все, что только ни оказалось’] пищали и стягъ, и всю пограбиша приправоу ратноюу, котораа ни была тоута на станоу (Псковская третья летопись. XVI век. Запись 1471 г.) [ПЛ: 144 об.].

В данном случае, по мнению Шевелевой, мы имеем дело с объединением сходных по своей роли частиц, аналогичным диалектному *-нинабудь*⁴ [Шевелева 2006: 215–241]. В более позднем Архивском списке XVII в. тот же контекст представлен с другим порядком компонентов — *что ни буди есть* — возможно, указывающим «на изменение грамматического (и просодического) статуса *есть* и *буди*» [Шевелева 2006].

Шевелева описывает семантические различия структур с *ни есть* и *ни буди* в терминах модальности, постулируя значение реальности для *есть* и вероятности для *буди*. Как представляется, различия в семантике между этими конструкциями все же не являются в строгом смысле модальными. *Что/кто/где ни буди* предполагает скорее некоторую альтернативность, скрытое перечисление возможных вариантов, заложенное в форме императива *буди*: будь X, будь Y — *что ни будь*. При всей семантической близости обеих конструкций, такая альтернативность и потенциальность не характерны для семантики структур с *ни есть*, формулирующих простое *неальтернативное* обобщение. При этом у истоков таких семантических различий между *ни будь* и *ни есть*, безусловно, лежит разная модальность основ⁵, на которую указывает Шевелева.

Форма презенса *есть* в целом, наряду с формой императива *буди*, оказалась в истории русского языка не менее склонной к превращению в различные служебные слова и форманты: реликтами основы *буд-* в литературном языке являются союз *будто* (см. [Пенькова 2017б]), в говорах — условный, сравнительный союзы *буде(т)* и модальная частица *буде(т)* [Пожарицкая 2010: 118–124]; реликтом основы презенса в литературном языке служит условный союз *если*, в говорах — удостоверительная частица *есть* [Шевелева 2006: 218–224]. Заметен явный параллелизм в истории обеих форм от *быти*: *если* и *будет* конкурируют в функции условного союза (союз *буде(т)* постепенно вытесняется союзом *если* [Плотникова 1954; Пенькова 2019]). Обе формы — *есть* и *буде(т)* — послужили источниками формирования модальных частиц: удостоверительной частицы *есть* и модальной *буде(т)*. Наконец, в рассматриваемый период они также конкурируют в составе показателей неопределенности — на первый взгляд, без каких-либо очевидных различий, ср.:

⁴ В старорусских памятниках, по данным НКРЯ, примеры с *нинабудь* не зафиксированы, примеры с *ни на есть* встречаются, но они крайне малочисленны и в настоящей работе не рассматриваются.

⁵ О семантике основы *буд-* и синтаксических конструкциях с формами от этой основы см. [Пенькова 2012: 4–8].

- (11) А убъеть **чей ни буди** [‘чей-нибудь’] крестьянинъ чьего крестьянина до смерти... того убойцу бити кнутомъ (Дело о причинении во время драки увечья, имевшего последствием своим смерть изувеченного. 1697.04.24)⁶;
- (12) Пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, по своему государеву указу и по той нашей выписке с нас, сирот своих, збавить и поверстать хотя против **коева ни есть** [‘какого-нибудь’] аднаво города (Челобитная посадских людей Устюжны Железопольской об уменьшении сошного оклада посада. 1650 г.).

Однако в дальнейшем в русском языке сохраняются только конструкции, входящие к квазирелятивам на *ни буди*, а конструкции на *ни есть* так и не достигают полной грамматикализации в качестве форманта неопределенного местоимения. Попытаемся установить, какие причины на это повлияли и какие предпосылки к этому существовали в русском языке XVII–XVIII вв.

Материал и методы исследования

Возможности Национального корпуса русского языка (НКРЯ) позволяют сопоставить частотность конструкций на *ни буди* и *ни есть* и особенности их функционирования в текстах XVII–XVIII вв. на широком материале источников, проследить историю конкуренции этих конструкций и выявить предпосылки победы форманта *нибудь* над *ни есть*.

Характер употребления квазирелятивов на *ни буди/ни есть* в текстах XVII–XVIII вв. сравнивается по четырем параметрам: частотность, семантические типы употребления, степень грамматикализации, стилистическая маркированность. Учитываются все контексты из НКРЯ, содержащиеся в подкорпусе текстов XVII в. старорусского модуля и в подкорпусе текстов XVIII в. основного корпуса.

Старорусский подкорпус НКРЯ был в последнее время существенно пополнен и составляет более 8 млн словоформ. Подкорпус текстов XVII в. имеет объем более 3,5 млн словоформ. Старорусский корпус до сих пор лексически не аннотирован, что существенно усложняет поиск, вынуждая использовать различные варианты поиска (*нибудь*, *нибуди*, *нибудь*, *ни буди*, *ни будь*, *нибудт*, *ни есть*, *ни есь*, *ниесть*) и затем отбирать необходимые примеры вручную, исключая случаи омонимии.

Подкорпус текстов XVIII в., также пополненный, имеет больший объем (более 6 млн слов), снабжен лексической аннотацией, что существенно облегчает поиск и подсчеты.

Частотность квазирелятивов на *ни буди/ни есть* в памятниках XVII–XVIII вв.

Сравним частотность квазирелятивов на *ни буди/ни есть* в интересующий нас период. Поскольку объемы корпусов XVII в. и XVIII в. различаются, абсолютный показатель частотности малоинформативен. Мы будем оперировать количеством примеров на 1 млн словоупотреблений (*ipm* — instances per million words) (табл. 1):

⁶ Памятники, цитируемые по НКРЯ, в списке источников отдельно не указываются.

Таблица 1. Частотность квазирелятивов на *ни буди/ни есть* в памятниках XVII–XVIII вв.

Тип квазирелятива	XVII в. Абсолютное количество употреблений	XVII в. ipm	XVIII в. Абсолютное количество употреблений	XVIII в. ipm
Мест. + <i>ни есть</i>	40	11	180	29
Мест. + <i>ни буди</i>	163	45	2051	329

Как видно из таблицы, существенные изменения в частотности происходят именно в XVIII в. В XVII в. квазирелятивы на *ни буди* и *ни есть* были малочастотными, хотя уже тогда конструкции с *ни буди* встречались в четыре раза чаще, чем с *ни есть*.

Если мы посмотрим на конкретные тексты, в которых употребляются рассматриваемые квазирелятивы, то обнаружим, что, например, в Соборном уложении 1649 г. представлены только примеры на *ни буди*, а конструкции с *ни есть*, напротив, не встречаются вовсе. Это позволяет заключить, что первые входили в норму приказного языка XVII в., тогда как вторые — нет.

В языке XVIII в. существенного увеличения количества структур с *ни есть* не наблюдается, тогда как частотность структур с *ни буди* (*нибудь*), напротив, возрастает более чем в семь раз. Безусловно, такой рост свидетельствует о большей грамматикализации конструкций на *ни буди* в сравнении с *ни есть*, что отражается и в орфографии — слитном написании *нибудь* в текстах XVIII в.⁷ (см. примеры ниже).

Семантические типы употребления квазирелятивов на *ни буди/ни есть*

При описании типовых ситуаций, в которых употребляются конструкции «мест. + *ни буди*» и «мест. + *ни есть*», мы будем использовать семантические классификации Падучевой [Падучева 1985] и Хаспельмата [Haspelmath 1997]. Кроме того, в случаях, не подпадающих ни под одну из типовых ситуаций, используется понятие *ситуация-обобщение*, введенное в [Пенькова 2011], которое фактически описывает употребления конструкций в функции универсальных кванторных слов (типа *все, всякий, везде* и т. п.). Рассматриваемые квазирелятивы в памятниках XVII в. употребляются в ситуации-альтернативе, в ситуации, относящейся к плану будущего, в ситуации-обобщении и в ситуации произвольного выбора.

Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что конструкция «мест. + *ни буди*» в текстах XVII в. встречалась преимущественно в ситуации-альтернативе в протазисе условной конструкции, например:

- (13) А хто к тому двору выищетьца истец **каков нибуди** [‘какой-нибудь, какой угодно’] с кабалою, или з записью, или с купчию, или вочиник, или по закладу, или с **какими** крепостьми **нибуди** [‘какими-нибудь, какими угодно’], — и мне, Омельяну, тот двор очистити (Купчая с очищальной записью Емельяна Алексеева с Мясника на проданный Василию Петровичу Наумову двор в монастырской слободе Осташкове. 1612.05.08);

⁷ Изредка встречается также слитное написание *ниесть*.

- (14) Будеть кто... зазоветъ его къ себѣ или къ иному на дворъ и велить ему къ той крѣпости руку приложить или ему велить написать въ **чемъ нибудь** [‘в чем-нибудь, в чем угодно’] заемную кабалу своею рукою неволею, и тому, надъ кѣмъ такое дѣло учинится, въ томъ на того, кто надъ нимъ такое дѣло учинить, являти околнымъ людямъ и въ приказѣ судьямъ (Судное дело подьячего кунгурской приказной избы Ивана Кузнецова с кунгурцемъ Ляшихинымъ и крестьяниномъ Слудкинымъ. 1687–1698 гг.).

«Мест. + *ни есть*» в этот период также встречается в ситуации-альтернативе, однако этот тип употребления не является для конструкции основным, например:

- (15) Ибо егда кто **чего ни есть** [‘чего угодно’] от кого требует, то может у того силою взять. (А. Лызлов. Скифская история. 1692 г.);
- (16) Когда придут с Востоку каторги или **какие ни есть** [‘какие-нибудь, какие угодно’] суды, тогда те суды приведут к тому малому островку. (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 гг.).

Первый пример любопытен тем, что в нем конструкция с *ни есть* употреблена в окружении местоимений без специального показателя неопределенности, т. е. вопросительных местоимений в функции неопределенных. По-видимому, *ни есть* введено здесь с целью прежде всего избежать столкновения трех подряд вопросительных местоимений (егда **кто чего от кого требует**).

В ситуации, относящейся к плану будущего (входящей в круг ирреальных контекстов, согласно классификации Хаспельмата), также возможны обе конструкции, ср.:

- (17) И посадцких людей, прежних жильцов или которые вновь по вашему сыску доведутца, взять в тягло из дворников и из захребетников из-за **ково-нибудь** [так! ‘из кого угодно’], которые будет живут в избылых, по тому ж (Наказ, данный из Устюжской чети вяземскому воеводе С. И. Воейкову и дяку Д. Прокофьеву, о дозоре Вязьмы. 1644.12.26);
- (18) Вели, государь, по своему государеву указу и по той нашей выписке с нас, сирот своих, збавить и поверстать хотя против **коева ни есть** [‘какого-нибудь’] аднаво города. (Челобитная посадских людей Устюжны Железопольской об уменьшении сошного оклада посада. 1650 г.).

Конструкция «мест. + *ни есть*» в памятниках XVII в. достаточно распространена в ситуации-обобщении, т. е. в функции, близкой к универсальному квантору:

- (19) А наугородцы целовали великому князю, что им княжчин всех отступитися **где ни есть** [‘езде’] (Пискаревский летописец. 1600–1650 гг.);
- (20) Чтобъ они, цари, ихъ всѣхъ русскихъ полонениковъ, **где хто ни есть** [‘езде, где бы ни были’] въ ихъ государствахъ, отпустили (Наказ Борису и Семену Пазухинымъ. 1699 г.).

Напротив, конструкция «мест. + *ни буди*» в ситуации-обобщении практически не фиксируется, за исключением единственного примера:

- (21) По указу великого государя, отъ Кунгура до Уфинского уѣзду... и до Москвы по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безъ омѣны, **чей кто ни будь** [‘чьим бы кто ни был’], чтобъ есте давали великого государя подъ кунгурскую денежную казну кунгурскому посыльщику Ивашкѣ Кадешникову подводы въ готовые сани съ проводникомъ (Отписки в Москву кунгурского воеводы Алексея Калитина. 1698 г.).

В письменности XVI в. и ранее «мест. + *ни буди*» в ситуации-обобщении была представлена более широко [Пенькова 2011]. Таким образом, приведенный контекст представляет собой реликт более древнего употребления конструкций на *ни буди*. В текстах XVIII в. «мест. + *ни будь*» в ситуациях такого типа не встречается вовсе. Тот факт, что «мест. + *ни есть*» в памятниках XVII в. еще возможны в контексте ситуации-обобщения, говорит о менее продвинутой ступени грамматикализации этих конструкций в сравнении с «мест. + *ни буди*».

Ситуация произвольного выбора предполагает, что «говорящий вводит в рассмотрение множество объектов... один из которых предстоит выбрать слушающему» [Татевосов 2002: 145]. Употребление в контексте произвольного выбора тесно связано с употреблением в ситуации-обобщении и считается одним из семантических мостов между неопределенными и универсальными местоимениями, поскольку может выражаться в языках мира как теми, так и другими [Haspelmath 1997: 48–52; Татевосов 2002: 144–155; Князев 2007].

Обе конструкции в памятниках XVII в. регулярно встречаются в контексте произвольного выбора:

- (22) А тѣ деньги взять у Гарасима Дохтурова ис **которого нибудь** [‘любого’] Приказу (Расходные столбцы Приказа тайных дел. 1673 г.);
- (23) И атаманъ Михайло Татариновъ сказалъ: какъ де сеѣ весны или лѣтомъ или **которое** время **нибудь** [‘какое бы то ни было, любое время’] придуть на нихъ подъ Азовъ Турские и Крымские... и у нихъ де межъ собою то приговорено и утвержено крѣпко, что противъ ихъ стояти, и въ Азове осаду крепити всякими крепостями на-крепко (Распросные речи в Посольском приказе атамана Михаила Татарина и казаков его станицы. 1638.04.04);
- (24) В том же монастыре дали мне две свечи, которые повелевают запалять пред святыми иконами на корабле или на **каком ни есть** судне [‘каком угодно, любом судне’] во время великой фортуны, то есть сильных ветров (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1699 г.);
- (25) Он обачем и руками, и ногами, и зубами, и всеми составы, **каким ни есть** способом [‘любым’], даже до послѣдняго издыханія обыче боронитися (А. Лызлов. Скифская исторія. 1692 г.).

Таким образом, в источниках XVII в. структуры на *ни есть* и *ни буди* встречаются практически в одних и тех же типовых ситуациях, семантические различия между ними связаны прежде всего с тем, что «мест. + *ни есть*» продолжает употребляться в ситуации-обобщении, тогда как для «мест. + *ни буди*» такие контексты уже нехарактерны.

В текстах XVIII в. конструкции на *нибудь* употребляются во многом так же, как и местоимения на *нибудь* в современном русском языке: в ирреальных предика-

циях (ситуация, отнесенная к плану будущего, по Падучевой, ср. (26)) и в ситуации-альтернативе (например, в условном протасисе или в общем вопросе).

- (26) При сем желая, чтобы толь богатая медь **где-нибудь** ближе в отечестве нашем открылась и препоручая себя продолжению вашей ко мне милости, с глубоким почтением пребываю вашего превосходительства всепокорный слуга Михайло Ломоносов (М. В. Ломоносов — И. А. Черкасову. 1749 г.);
- (27) Потом, если **которую-нибудь** из помянутых трубок наполнишь крашеною водою или **какою ни есть** [‘какою-нибудь’] другою жидкою материею, например ртутью, и одну оныя трубки ножку к горизонтальной линии так приложишь, чтобы самая поверхность жидкой материи до оной линии коснулась, то и в другой ножке поверхность той же жидкой материи коснется до той же линии. [М. В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная. 1745 г.).
- (28) Есть ли тут **какая-нибудь** земная красота или только одна небесная покрывает ее лицо? [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки. 1766-1768 гг.);

В этих же типах контекстов встречаются и конструкции на *ни есть*, ср.:

- (29) Такожде и молодым подъячим всем накрепко запрети, дабы в опытах и во иных безделицах имяне Божия отнюд не писали и греха бы себе такова не привлекли, но писали бы **какие ни есть** [‘какие-нибудь’] повести, или что ни есть свецкое, а не божественное. (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... 1718–1725 гг.);
- (30) Ревнование есть род ревности, возбуждающее нас с **кем-нибудь** поравняться или *кого* превзойти в **чем ни есть** [‘в чем-нибудь’] похвалы достойном. (Д. И. Фонвизин. Опыт российского словника. 1783–1784 гг.);
- (31) Не думаешь ли сыскать **что ни есть** [‘что-нибудь’] такое, в чем бы Бог не правительствовал за голову и вместо начала? (Григорий Сковорода. Наркисс. 1760–1769 гг.);
- (32) В самом деле, если [вместо *есть ли*. — Я. П.] **что ни есть** [‘что-нибудь’] противоречительнее: чрез несколько часов окончится жизнь тела моего, с ним вместе исчезнет душа моя, и я буду ничто или в нечувствительное вещество претворюсь, а однако жить хочу несчетные годы? (М. М. Щербатов. Разговор о бессмертии души. 1788 г.).

Примеры (27) и (30) особенно показательны, поскольку в них одновременно представлены оба способа обозначения нереферентной неопределенности: *нибудь* и *ни есть*, а в (30) еще и вопросительное местоимение в функции неопределенного. По-видимому, *ни есть*, следующее за *нибудь*, употреблено с целью избежать повтора форманта *нибудь*.

Однако в текстах XVIII в. *нибудь*-местоимения встречаются также в таких контекстах, которые не характерны или почти не характерны для *нибудь*-местоимений в современном русском языке. Во-первых, они изредка употребляются в ситуациях произвольного выбора наряду с конструкциями на *ни есть*:

- (33) Но всякое зло может заключаться в **какойнибудь** [‘любой, всякой’] вещи доброй, от которой по случаю зделалось (архиепископ Платон (Левшин). Катихизис девятой. 1757 г.);
- (34) Откуда следует: 1) что жидкие тела тою же силою давят кверху, которою книзу (§ 7), 2) что вода или **какое ни есть** [‘любое, всякое’] другое жидкое тело жмет воздухом, который содержится в части трубки... следовательно, всякая тяжелая жидкая материя действует посредством всякой другой жидкой материи, которая оной легче [М. В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная. 1745 г.);
- (35) Которые убивают человека или боем, или оружием, или удавлением, или утоплением, или отравою, или порчею, или **каким ни есть** [‘любым’] другим образом (архиепископ Платон (Левшин). Краткий катихизис. 1775 г.).

Такое употребление не типично для местоимений на *нибудь* в современном русском языке, в данной ситуации используются местоимения произвольного выбора типа *любой, какой угодно*, ср.:

- (36) Понятно, что такие категоричность, бескомпромиссность, аскетизм требуют от **любой** ретроспективы быть не просто адекватной, но и достойной — что вполне удалось в Гааге [Татевосов 2002: 142].

В источниках XVIII в. встречаются примеры употребления квазирелятивов на *нибудь* в компаративной конструкции (для *ни есть* такие контексты отсутствуют):

- (37) Дюрок ходит призадумавшись с тех пор, как узнал, что гр. Никита Иванович остался при делах с большим кредитом, нежели **когда-нибудь** [‘чем когда-либо, когда бы то ни было’]. (Д. И. Фонвизин. Письма к А. М. Обрескову. 1772–1774 гг.).

В современном русском языке в данной ситуации также употребляются местоимение произвольного выбора *любой*, неопределенные местоимения с формантом *либо* или структуры типа *что бы то ни было*, ср.:

- (38) Однако сам диктатор лучше чем **кто-либо** знает, что он замешан в ужасных преступлениях... банальный образ впечатлит не менее, чем **любой** голливудский спецэффект [Татевосов 2002: 137, 142].

В современном русском языке непрямоe отрицание — сфера действия местоимений с формантами *либо* и *бы то ни было*, ср.:

- (39) Видимо, у меня модификация модели К-210, но на материнской плате вообще отсутствуют **какие-либо** || **какие бы то ни было** || ***какие-нибудь** настроечные резисторы [Татевосов 2002: 141].

Однако в XVIII в. в контекстах такого рода встречаются и местоимения на *нибудь*, и даже — хотя и крайне редко — конструкции на *ни есть*, ср.:

- (40) А напоследок и **какоенибудь** [‘какое бы то ни было, всякое’] всего того употребление, хотелиб мы, или не хотели, смертию пресекается (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Казанския Богородицы. 1777 г.);

- (41) Я скорее с сердечною благодарностию сам внесу за него деньги, нежели приму оныя от **кого ни есть** [‘от кого бы то ни было’] (Н. А. Львов. Е. А. Головкиной. 1800 г.).

В современном русском языке *нибудь*-местоимения изредка употребляются в отрицательных контекстах, однако в последних более характерны отрицательные *ни*-местоимения и местоимения с формантами *либо* и *бы то ни было*. Местоимения на *нибудь* в современном русском языке, будучи употреблены в отрицательном контексте, в отличие от *либо* и *бы то ни было*, «не усиливают, а смягчают отрицание» [Кузьмина 1989]. Различия же между *нибудь*-местоимениями и отрицательными местоимениями в [Селиверстова 1988: 100–104] объясняются так: «местоимения с *нибудь* «заменяют» местоимения с *ни*- в тех случаях, когда последние не могут выражать значение полного отрицания», ср.:

- (42) Я не смог уговорить **никого** из них;

- (43) Возможно, она не смогла уговорить **кого-нибудь** из них [Селиверстова 1988: 104].

Падучева объясняет возможность употребления *нибудь*-местоимений в отрицательных контекстах тем, что они в этом случае или не входят в сферу действия отрицания совсем или входят опосредованно, а лицензируются при этом показателями снятой утвердительности [Падучева 2016].

В текстах XVIII в. квазирелятивы на *нибудь* и *ни есть* также достаточно широко употребляются в отрицательных предикациях — в соответствии с наблюдениями Падучевой относительно употребления *нибудь*-местоимений в современном языке, ср., например, контексты (45) и (46) со снятой утвердительностью и прилагательное *готов*, вклинивающееся между отрицанием и неопределенным местоимением в примере (44):

- (44) Ежели можно достать хорошего варения, та же хороших мелких круп, то сделайте милость, привезите, а когда нет готового **чего нибудь** [‘нет чего-нибудь готового’], то прикажите прислать после (А. А. Боратынский. Письма. 1785–1802 гг.);

- (45) А притом отнята и та опасность, чтоб впредь новыми частыми поправлениями не подать случая к **каким ни есть** [‘не вызвать причины для каких-нибудь беспокойств’] для церкви безпокойствам. (архиепископ Платон (Левшин). Увещание к раскольникам. 1766 г.).

- (46) Есть ли медленностью или ослушанием его **что ни есть** не исправится [‘что-нибудь не выполнится’], то должен платить пеню (Екатерина II. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 1785 г.).

Таким образом, практически во всех перечисленных типах ситуаций возможно употребление квазирелятивов *ни есть* и *нибудь*; обе конструкции употребляют практически тождественно. Сопоставление с текстами XVII в. показывает, что рассматриваемые конструкции к XVIII в. утрачивают связь с семантикой всеобщности, однако употребляются шире, чем в современном русском языке, сохраняясь в контекстах, характерных для местоимений произвольного выбора.

Это отличие может быть объяснено гипотезой Хаспельмата о том, что первичным значением неопределенных местоимений типа ‘it may be’, к которому принад-

лежат рассматриваемые структуры, является именно значение произвольного выбора. И лишь в процессе эволюции структуры данного типа приобретают возможность употребляться в ситуациях, расположенных левее на семантической карте [Haspelmath 1997: 135–140], т.е. в качестве нереферентного неопределенного местоимения. Конструкции на *ни буди*, однако, развиваются не совсем так прямолинейно: они изначально имеют очень широкую сферу дистрибуции [Пенькова 2011; 2017а], функционируя и как показатель нереферентной неопределенности, и как показатель произвольного выбора. Последняя способность в современном русском языке утрачивается.

Степень фразеологизации конструкций на *ни буди/ни есть*

Как известно, изменения на пути грамматикализации языковых единиц затрагивают сначала семантические и морфосинтаксические особенности, и только позднее за ними следуют изменения фонетические. По данным текстов XVII–XVIII вв. судить о каких бы то ни было фонетических изменениях, затронувших квазирелятивы на *ни буди* и *ни есть*, едва ли возможно. В нашем распоряжении только синтаксический и семантический критерии.

На основании исследованных памятников можно выделить ряд признаков, свидетельствующих об утрате предикативности и постепенной фразеологизации некогда свободных синтаксических сочетаний на *ни буди* и *ни есть*.

Одним из признаков фразеологизации для конструкций с местоимением-прилагательным (*какой/чей ни буди/ни есть*) в памятниках XVII в. является возможность согласования с определяемым существительным в формах косвенных падежей. Согласование возникает как следствие разрушения синтаксической зависимости между местоимением и глагольной формой *есть/буди*, ср.:

(47) ...торговые люди варницы напишуть **чьимъ нибудь людемъ** (Уложение 1649 г.) [Черных 1953: 44].

Напротив, в более ранний период такое согласование могло отсутствовать:

(48) От великого князя Ивана Васильевича князем моим, и бояром, и детям боярским, и иным всяким **ездокон, чей хто ни буди** (Грамота в. кн. Ивана Васильевича... 1473–1489 гг.).

Еще одним признаком фразеологизации служит препозиция конструкций по отношению к имени существительному, в особенности расположение между предлогом и существительным, невозможное для зависимой клаузы, ср.:

(49) Те пиоты началство имеют надо всякими судами, хотящими иттить в Венецию ис **которых ни есть** мест; и пришедшее судно откуда ни есть в Паренцу, хотящее иттить в Венецию, без повеления тех пиотов иттить в Венецию ис Паренцы не может (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1699 г.);

(50) А память бы всят на **чье ни есть** имя (М. Вындомский. М. Вындомский брату В. Т. Вындомскому (1650–1720);

(51) А будеть учнеть языкъ говорить... на **чьихъ ни буди** людей (Уложение 1649 г.) [Черных 1953: 307].

Еще одним признаком того, что структура утратила статус отдельной предикативной единицы, является неделимость именной группы, в которую входит конструкция, ср.:

- (52) И всем вышеименованным, **какова ни есть** состояния, степени, уряду, чина, достоинства или преимущества (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1699 г.);
- (53) Когда **котораго ни есть** народу человек католицкой веры... похочет исповедатися... (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1699 г.).

Для структур с местоимениями-существительными (*кто/что ни буди/ни есть*) одним из ярких признаков фразеологизации является употребление в синтаксической позиции дополнения, когда соответствующая валентность предиката требует обязательного заполнения, ср.:

- (54) Пожалуй **что ни есть** шт азбукъ шт трех (поп Мартын. 1640–1700 гг.);
- (55) Пожалуй издели **чем ни есть** деревенским за наши труды (В. Макеев. 1690–1710 гг.);
- (56) Будеть кто над **кѣмъ ни буди** учинить наругательство... (Уложение 1649 г.) [Черных 1953: 57 об.].

При этом в памятниках XVII в., наряду с контекстами, говорящими о высокой степени фразеологизации квазирелятивов *с ни есть/ни буди*, встречаются и такие, в которых рассматриваемые конструкции еще сохраняют признаки отдельной предикативной единицы. Об этом может свидетельствовать наличие распространяющих эту конструкцию слов, зависимых от *есть/буди*, а также кванторы всеобщности *всякий* в (57) и *весь* в (58), ср.:

- (57) и во дворе людей переписав по имянном і *всякие* угодыя, **что ни есть** в **Вязме** (Наказ, данный из Устюжской чети вяземскому воеводе С. И. Воейкову. 1644.12.26);
- (58) По указу великого государя... *встѣмъ* людемъ безъ омѣны, **чей кто ни будь**, чтобъ есте давали великого государя подъ кунгурскую денежную казну кунгурскому посыльщику Ивашкѣ Кадешникову подводы въ готовые сани съ проводникомъ (Отписки в Москву кунгурского воеводы Алексея Калитина. 1698 г.).

Комплекс *ни буди* может быть отделен от опорного местоимения, иными словами, функционирует как частица, характеризующаяся свойством делимости [Плунгян 2003: 28–35], ср.:

- (59) А вылежит на тот наш двор... купчие или кабалы денежные... или иная **какая** крепость **нибуди**, и мне, Демьяну, тот свой двор ото всяких крепостей очищати (Купчая Демьяна на проданный монастырю двор (отрывок). 1601–1602 гг.);
- (60) А будет кто кому давъ на себя в **какомъ дѣлѣ ни будь** какую крѣпость да умереть... (Уложение 1649 г.) [Черных 1953: 160].

Частица *нибудь* в текстах XVIII в. также может сохранять свойства делимости, однако такие примеры не представлены в корпусе⁸. Компоненты конструкции при этом могут быть разделены как полнозначительным словом (61), так и частицей (62), ср.:

- (61) Ежели ж когда **по какому** делу **нибудь** Сенаторы разсуждать будут в противность указовъ, тогда не боясь никого, но по своей к Ея Императорскому Величеству и Государству верности и присяжной должности, им представлять, что то их разсуждение Государственным правам и указам противно (Указ «О штрафах и наказаниях некоторых чиновников Сената и Юстиц-Коллегии...» 1737 г.);
- (62) Писем, скоро два мѣсяца будет, как я от вас не имѣю, боюся, не от **какой ли нибудь** болезни или другого несчастья вы ко мнѣ не пишете (Князь Алексей Куракин — князю Александру Куракину. 1776 г.) [АК, кн. VIII: 171].

Особую группу примеров составляют конструкции с серией частиц *бы нибудь* (63), структурно аналогичной серии *бы то ни было* (64), и конструкции с серией *либо нибудь* (последние заслуживают отдельного самостоятельного исследования в контексте конкуренции частиц *нибудь* и *либо* в русском языке XVIII в.):

- (63) Всячески я стараюсь **чем бы нибудь** заняться (В.И.Полянский — князю Александру Куракину. 1778 г.) [АК, кн. X: 394];
- (64) Иногда подать данию и противно дань податью именовали, но сии пространно толковать не потребно, ибо самые слова разность их изъясняют, и суще дань окладной настоящей сбор с **чего бы то ни было**, а подать значит по дани или сверх дани на чрезвычайный расход наложенное. (В.Н.Татищев. Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной. 1733 г.);
- (65) Издатель онаго <Судебника> уважая по видимому достоинству Господина Татищева, и усердствуя общественной пользѣ, зная его благоразуміе, приглашалъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣють у себя **какія либо нибудь** его сочиненія, чтобъ они сообщали ихъ свѣту (Духовная В.Н.Татищева — Предисловіе издателя. 1773 г.) [Татищев 1773: предисловіе].

В текстах XVIII в. в единичных случаях можно встретить и примеры с дистантным расположением местоимения и *ни есть* (однако примеров с сочетанием различных частиц для конструкций на *ни есть* обнаружить не удалось), ср.:

- (66) И ежели в чем поманит, или инако, **каким** образом **ни есть**, должность свою ведением и волею преступит, то, яко преступник указа и явной разоритель государства, наказан будет (Петр I. Указ о должности генерал-прокурора. 1722 г.).

В текстах XVIII в. также встречаются примеры с сочетанием союзного слова, частицы *ни* и связки *есть* — конструкцией, омонимичной квазирелятивам «мест. + *ни есть*», но сохраняющей предикативность *есть* (для конструкций на *нибудь* таких примеров не зафиксировано), например:

⁸ Автор благодарен анонимному рецензенту за указание на такие примеры употребления частицы *нибудь*.

- (67) Все, **что ни есть** произвольное в наложении наказания, не должно происходить от прихоти законоположника, но от самой вещи (Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 г.).

Важное свидетельство большей степени фразеологизации компонентов конструкции на *нибудь* содержит также «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, в которой среди «сложенных местоимений», т. е. таких, которые имеют в своем составе различные аффиксы, автор упоминает местоимения типа *кто нибудь* (именно в такой орфографии), но не называет конструкции типа *кто ни есть* [Ломоносов 1755: 175]. При этом в текстах XVIII в. встречается также слитное написание *ни-есть*, свидетельствующее о тенденции к слиянию элементов квазирелятива и превращению в частицу, аналогичную *нибудь*. Таких примеров значительно меньше, чем случаев раздельного написания (всего 16 примеров), однако именно в такой орфографии представлена конструкция на *ни есть* в дефинициях «Словаря Академии Российской» (см. ниже), ср. также пример из НКРЯ:

- (68) Равнымъ же образомъ налагаются у нихъ и на самихъ докторовъ ежегодныя сочиненія. Моральному философу дается **какая ниестъ** трудная проблема къ истолкованію (Стефан Савицкий (перевод книги Л. Хольберга). Подземное путешествіе представляющее Исторію разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ. 1762 г.).

Стилистические особенности

В XVII в. конструкции на *ни буди/ни есть* употребляются в одних и тех же типах источников: в текстах гибридного регистра («Пискаревский летописец», Псковская третья летопись), деловых (челобитная, наказ, судное дело, купчая, отписки, Уложение 1649 г.) и — редко — бытовых, а в книжных памятниках не встречаются вовсе. На рубеже XVII–XVIII вв. это ограничение начинает расшатываться, и рассматриваемые квазирелятивы проникают и в тексты, содержащие книжные черты, ср. выше пример (15).

В XVIII в., по данным НКРЯ, конструкции «мест. + *ни есть*» встречаются преимущественно в философско-богословских сочинениях и в официально-деловых источниках, в различных инструкциях и отчетах, реже — в бытовых текстах. Используются они (наряду с конструкциями на *нибудь*) и в дефинициях «Словаря Академии Российской» (например: *Разпечатываю... Снимаю печать с чего ниестъ* [САР: 798]) — аналогично тому, как в современном русском языке местоимения с формантом *либо* используются в качестве синонимов *нибудь-местоимений* в деловом узусе и в словарных толкованиях.

К использованию конструкций на *ни есть* склонны отдельные авторы. Так, чаще других их используют архиепископ Платон (Левшин), И. Т. Посошков в «Книге о скудости и богатстве» и в «Завещании отеческом к сыну своему», Екатерина II — в юридических текстах, таких как «Грамота на права вольности и преимущества российского дворянства» 1785 г., «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения» 1767 г.; авторы лубочных сказок, в особенности Матвей Комаров в «Повести о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркиграфини Фридерики-Луизы, с присовокуплением к оной истории бывшего турец-

кого визирия Марцимириса и сардинской королевы Терезии» и «Истории Ваньки Каина», а также Стефан Савицкий в «Подземном путешествии представляющем Историю разнородных с удивительными и неслыханными свойствами животных». В текстах других авторов случаи использования конструкций «мест. + *ни есть*» единичны. Практически отсутствуют они в публицистике и художественной литературе XVIII в. за исключением жанра лубочных сказок.

Архиепископ Платон (Левшин), как известно, был последователем Гедеоны Криновского, писавшего свои проповеди на русском языке в эпоху «единой словесности, объединяющей в себе светские и духовные сочинения» [Живов 1990: 129], когда главной установкой авторов духовных сочинений была ясность и понятность, отказ от маркированно церковнославянских элементов. Этой установкой, видимо, и объясняется появление в его сочинениях структур на *ни есть*.

Посошков же пишет свое «Завещание...» еще ранее — в петровскую эпоху преобладания «смешанного узуса (объединявшего элементы разных регистров) или, по выражению Тредьяковского, „безразборного употребления“» [Живов 2004: 114]. Показателен в этом отношении пример, демонстрирующий синтез книжной формы М. п. местоимения *что (чесом)* и прежде некнижного *ни есть*, невозможный в текстах XVI–XVII вв.:

- (69) Аще же кто тебе подаст, в какой обиде, или в **чесом ни есть**, на какова человека, под судом твоим сущаго, и ты, приняв, заметь ее, а к записке не отдавай; а и подъячим в стол не отдавай же, но первее сам размотри ее в тонкость (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... 1718–1725 гг.).

Из четырех примеров, представленных в художественных текстах, не относящихся к лубочным сказкам, особенно показательны два контекста, в которых конструкция употреблена в прямой речи:

- (70) Милостивый государь, снабдите **чем ни есть** человека несчастного! (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1790 г.);
- (71) Не возможно ль, государь и отец, удостоить отеческим покровительством реченного Плутягина и, не допуская до подания челобитной, под **каким ни есть** предлогом выгнать из столицы реченную вдову Беднякову? (Д. И. Фонвизин. Друг честных людей, или Стародум. 1788 г.).

В обоих случаях перед нами просьба нижестоящего к вышестоящему, т. е. своего рода устная челобитная (ср. канцеляризмы *милостивый государь*, *реченного*, характерные для данного речевого жанра). Конструкция «мест. + *ни есть*» в данном случае может быть использована в качестве канцелярского штампа или как архаизм — с целью создания определенного речевого портрета говорящего.

Напротив, конструкции «мест. + *ни буди*» широко представлены в художественной литературе и в публицистике, употребительны и в научных, и в деловых, и в бытовых, и в церковно-богословских сочинениях, ср. табл. 2, автоматически сформированную запросом в НКРЯ.

Таким образом, в памятниках XVII в. рассматриваемые конструкции еще весьма близки между собой. Основные различия между ними обнаруживаются в памятниках с XVIII в. и касаются прежде всего частотности и стилистической мар-

Таблица 2. Употребление местоимений на *нибудь* в текстах разных жанров (запрос по НКРЯ, 17.10.2020).

Жанрово-стилистическая характеристика	Количество словоформ
Публицистика	36,95 %
Художественная	34,61 %
Учебно-научная	13,88 %
Официально-деловая	7,98 %
Бытовая	5,55 %
Церковно-богословская	1,04 %

кированности. Местоимения на *нибудь* входят в формирующийся литературный язык на всех его уровнях. Структуры на *ни есть*, употреблявшиеся в XVII в. в текстах гибридного и делового регистров, в XVIII в. остаются, по-видимому, стилистически маркированными, характерными для народно-разговорного языка и текстов официально-делового характера, а также сохраняются как архаизмы в сочинениях отдельных авторов.

При этом обе конструкции на *ни есть* и на *нибудь* могут развивать и пейоративные употребления, что, по-видимому, объясняется не стилистическими особенностями этих квазирелятивов, а общетипологической склонностью нереферентных неопределенных местоимений к развитию таких значений (см. также выше), ср.:

- (72) Видно, что ты, друг мой, родился в **какой ни есть** сибирской деревушке, вскормлен и выучен беспутной твоей живописи; а если бы хотя один твой глаз во Франции побывал, так ты бы, конечно, поострее глядел на свои руки и, пишучи женское лицо, употреблял бы к тому нежных только цветов краски, а не темные и мрачные. (Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть II);
- (73) Это пристойно **какому нибудь** дворянчику из нижней Бретании... но человек моего состояния... фи! (П. А. Пельский. Кум Матвей, или превратности человеческого ума. I: 72.) [СлРЯ XVIII, 9: 209].

Некоторые выводы

Проанализированный материал НКРЯ позволяет считать рубеж XVII–XVIII вв. переломным в истории квазирелятивов на *ни будь* и *ни есть*. Именно в языке XVIII в., в период формирования литературного языка нового типа, местоимения на *нибудь* становятся основным способом обозначения нереферентной неопределенности, в разы увеличиваясь частотно, утрачивая стилистическую маркированность и достигая высокой степени грамматикализации. Претендовавшие на эту же роль квазирелятивы на *ни есть* не смогли преодолеть этот рубеж: они остаются в языке XVIII в. маргинальными конструкциями. По-видимому, победа квазирелятивов на *нибудь* в конкурентной борьбе над конструкциями на *ни есть* объясняется некоторыми преимуществами, которыми обладала конструкция на *нибудь*:

большей склонностью к употреблению в ситуации-альтернативе — семантическом ядре нереферентных неопределенных местоимений — и более продвинутой степенью грамматикализации.

Семантика неопределенных местоимений на *нибудь* в языке XVIII в. еще заметно отличается от таковой в современном русском языке. Можно говорить о том, что местоимения на *нибудь* в современный период существенно сузили свою сферу дистрибуции, утратив возможность употребляться в роли показателей произвольного выбора. История этих местоимений лишь частично подтверждает гипотезу М. Хаспельмата о том, что неопределенные местоимения типа 'it may be' возникают как местоимения произвольного выбора и в процессе своей эволюции **сдвигаются** левее по семантической карте, превращаясь в нереферентные экзистенциальные местоимения. Конструкции на *нибудь* изначально функционировали в двух семантических разновидностях: в функции универсальных кванторных слов и — в дальнейшем — местоимений произвольного выбора и в ситуации-альтернативе как показатели нереферентной неопределенности.

Словари и источники

- АК — *Архив кн. Ф. А. Куракина*. В. Н. Смольянинов (ред.). Кн. VIII. Саратов: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1899. 509 с. Кн. X. М.: Н. И. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ, 1902. 478 с.
- ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Вейман В. Г. и др. (подгот. к печ.); Валк С. Н. (ред.). М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 408 с.
- ДДГ — *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* Черепнин Л. В. (подгот. к печ.). М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 585 с.
- Ломоносов 1755 — *Российская грамматика Михаила Ломоносова*. СПб.: Императорская Академия наук, 1755. 213 с.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.10.2020).
- ПЛ — Псковская третья летопись (по Строевскому списку). В кн.: *Полное собрание русских летописей*. Т. V, вып. 2. Псковские летописи. М.: Языки славянской культуры, 2000. 363 с.
- САР — *Словарь Академии Российской*. Ч. IV. От М до Р. СПб.: Императорская Академия наук, 1793. [4] с., 1272 стлб., [67] с.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. VIII. Филин Ф. П. (гл. ред.). М.: Наука, 1981. 351 с.
- СЛРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 9. Сорокин Ю. С. (гл. ред.). СПб.: Наука, 1997. 270 с.
- СДРЯ — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. IV. Аванесов Р. И. (ред.). М.: Русский язык, 1991. 559 с.; т. V. Аванесов Р. И., Улуханов И. С. (ред.). М.: Русский язык, 1991. 644 с.
- Татищев 1773 — Татищев В. Н. *Духовная тайнаго советника и астраханскаго губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу*. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1773. [3], 57 с.; 8°.
- Черных 1953 — Черных П. Я. *Язык Уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей уложенной книги*. М.: АН СССР, 1953. 374 с.

Литература

- Былинина, Тестелец 2005 — Былинина Е. Г., Тестелец Я. Г. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы. *ИППИ РАН. Семинар «Теоретическая семантика»*. 15.04.2005 г. http://www.ruh.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf (дата обращения: 17.10.2020).
- Живов 1990 — Живов В. М. *Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.* М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. 272 с.

- Живов 2004 — Живов В. М. *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв.* М.: Языки славянской культуры, 2004. 656 с.
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. 352 с.
- Князев 2007 — Князев Ю. П. *Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе.* М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Кузьмина 1989 — Кузьмина С. М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений. В кн.: *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика.* М.: Прогресс, 1989. С. 145–162.
- Кузнецов и др. 2020 — Кузнецов А. М., Крысько В. Б., Пенькова Я. А. Местоимение. В кн.: *Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь.* Крысько В. Б. (ред.). М.: Азбуковник, 2020. С. 172–189.
- Кустова 2015 — Кустова Г. И. Прагматические факторы в редуцированных конструкциях: квазирелятивы типа «что хочешь». *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета.* 2015, 5 (27): 122–133.
- Маловицкий 1971 — Маловицкий Л. Вопросы истории предметно-личных местоимений (кто, что). *Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена.* 1971, (517): 3–130.
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений).* М.: Наука, 1985. 271 с.
- Падучева 2015 — Падучева Е. В. Нереперентные местоимения на *нибудь*. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Местоимения типа *что-нибудь* в отрицательном предложении. *Вопросы языкознания.* 2016, (3): 22–36.
- Пенькова 2011 — Пенькова Я. А. Императив *буди* в памятниках XV века: к вопросу о формировании неопределенных местоимений на *-нибудь* в русском языке. *Русский язык в научном освещении.* 2011, 21 (1): 251–265.
- Пенькова 2012 — Пенькова Я. А. *Финитные образования от основы буд- в языке русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис).* Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Пенькова 2016а — Пенькова Я. А. Неопределенные местоимения с формантами *нибудь* и *либо/любо* в истории русского языка XV–XVII вв.: корпусное исследование. В кн.: *ElManuscript-2016. Rašytinis palikimas ir informacinės technologijos. VI tarptautinė mokslinė konferencija Pranešimai ir tezės.* Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22–28 d. Vilnius; Iževskas, 2016. С. 280–284.
- Пенькова 2016б — Пенькова Я. А. История неопределенных местоимений на *нибудь* в русском языке и проблема их лексикографического описания (по материалам Национального корпуса русского языка). В кн.: *Лексикография в начале XXI в. Сборник с докладами от Седмата международной конференции по лексикографии и лексикологии.* Благоева Д., Колковская С. (ред.). София, 2016. С. 626–632.
- Пенькова 2017а — Пенькова Я. А. *Новгородские и московские «кандидаты» на роль неопределенных местоимений в деловой письменности Руси XV в. Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017, (1): 110–116.
- Пенькова 2017б — Пенькова Я. А. К истории и предьстории слова *будто* в русском языке Средневековья. В сб.: *И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского (1812–1880): сборник статей Международной научной конференции, 21–23 сентября 2017 г.* Осипова Е. П. (ред.). Рязань, 2017. С. 69–76.
- Пенькова 2019 — Пенькова Я. А. *Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности.* *Slavistična revija.* 2019, 67 (4): 569–586.
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. *Общая морфология: введение в проблематику.* М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.
- Пожарицкая 2010 — Пожарицкая С. К. Модальные слова, производные от глаголов *быть, бывать*, в севернорусской диалектной речи. *Русский язык в научном освещении.* 2010, 19 (1): 103–131.
- Селиверстова 1988 — Селиверстова О. Н. *Местоимения в языке и речи.* М.: Наука, 1988. 151 с.

- Татевосов 2002 — Татевосов С. Г. *Семантика составляющих именной группы: кванторные слова*. М.: Наследие, 2002. 240 с.
- Шевелева 2002 — Шевелева М. Н. Судьба форм презенса глагола быти по данным древнерусских памятников. *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 2002, (5): 55–72.
- Шевелева 2006 — Шевелева М. Н. Некнижные конструкции с формами глагола быти в Псковских летописях. В кн.: *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*. Молдован А. М. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 215–241.
- Шелякин 1978 — Шелякин А. М. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. *Ученые записки Тартуского университета*. 1978, (442): 3–22.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 364 p.
- Růžička 1973 — Růžička R. Кто-то und кто-нибудь. *Zeitschrift für Slawistik*. 1973, 18 (5): 705–736.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2020 г.

Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences,
18/2, Volchonka ul., Moscow, 119019, Russia
amoena@inbox.ru

About the history of indefinite pronouns: Quasi-relative constructions with *ni budi* and *ni jest'* in 17th–18th century Russian language

For citation: Penkova Ya. A. About the history of indefinite pronouns: quasi-relative constructions with *ni budi* and *ni jest'* in 17th–18th century Russian language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (1): 114–137. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.107> (In Russian)

The article deals with quasi-relative constructions with *ni budi/ ni jest'*, which were competing in 17th–18th century Russian language and claiming the role of an unspecific indefinite marker. This competition resulted in the victory of the *ni budi*-construction and grammaticalization of the formant *nibud'* in modern Russian. The research was carried out on data taken from the historical module of the Russian National Corpus, as well as from a subcorpus of 18th century texts within the main corpus. Quasi-relative constructions are compared according to the following parameters: frequency, semantic distribution, degree of phraseologization and stylistic features. In the 17th century texts, both constructions show low frequency and occur in a limited range of sources: mainly in documents, as well as in some chronicles and everyday communication. In this period, the grammaticalization process was not complete for both constructions. In 18th century texts, the frequency of quasi-relative constructions with *ni budi*, unlike *ni jest'*, sharply increases. Constructions with *ni budi* (*nibud'*) penetrate into various functional domains of literary language, including church literature. Constructions with *ni jest'*, on the contrary, were preserved in the 18th century language only as marginal archaisms. The semantics of quasi-relative constructions with *ni budi* in the period in question differed from *nibud'* pronouns in modern Russian. The latter significantly narrowed their semantic scope, having lost the ability to be used as free-choice markers.

Keywords: history of the Russian language, indefinite pronouns, grammaticalization, quasi-relative constructions, Russian National Corpus.

References

- Былинина, Тестелец 2005 — Bylinina E. G., Testelets Ia. G. *On some constructions with the meaning of indefinite pronouns in Russian: amalgams and quasi-relativs*. IPPI RAN. Seminar “Teoreticheskaia

- semantika". 15.04.2005. http://www.rsuh.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf (accessed: 17.10.2020) (In Russian)
- ЖИВОВ 1990 — Zhivov V.M. *Cultural conflicts in the history of the Russian literary language of the 18th — the beginning of the 19th century*. Moscow: Institut russkogo iazyka AN SSSR Publ., 1990. 272 p. (In Russian)
- ЖИВОВ 2004 — Zhivov V.M. *Essays on the historical morphology of the 17th–18th century Russian*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 656 p. (In Russian)
- Зализняк 2004 — Zalizniak A. A. "The Tale of Igor's Campaign": View of a linguist. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 352 p. (In Russian)
- Князев 2007 — Kniazev Iu. P. *Grammatical semantics: Russian Language in a Typological Perspective*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. 704 p. (In Russian)
- Кустова 2015 — Kustova G. I. Pragmatic factors in reduced constructions: quasi-relativs like *chto khochesh'*. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015, 5 (27): 122-133. (In Russian)
- Кузьмина 1989 — Kuž'mina S.M. Semantics and stylistics of indefinite pronouns. In: *Grammaticheskie issledovaniia. Funktsional'no-stilisticheskii aspekt. Supersegmentnaia fonetika. Morfologicheskaia semantika*. Moscow: Progress Publ., 1989. P. 145-162. (In Russian)
- Кузнецов и др. 2020 — Kuznetsov A.M., Kryś'ko V.B., Penkova Ya. A. Pronoun. In: *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Entsiklopedicheskii slovar'*. Kryś'ko V.B. (ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2020. P. 172-189. (In Russian)
- Маловицкий 1971 — Malovitskii L. Questions of the history of subject-personal pronouns (*kto, chto*). *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Gertsena*. 1971, (517): 3-130. (In Russian)
- Падучева 1985 — Paducheva E. V. *Utterance and its correlation with reality (referential aspects of pronoun semantics)*. Moscow: Nauka Publ., 1985. 271 p. (In Russian)
- Падучева 2015 — Paducheva E. V. Non-specific indefinite pronouns with *nibud'*-formant. *Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki* (<http://rusgram.ru>). As a manuscript. Moscow, 2015. (In Russian)
- Падучева 2016 — Paducheva E. V. Pronouns of the type *chto-nibud'* 'something' in negative sentences. *Voprosy iazykoznanii*. 2016, (3): 22-36. (In Russian)
- Пенькова 2011 — Penkova Ya. A. Imperative *budi* in the 15th century texts: Towards the problem of the development of indefinite pronouns with the component *-nibud'* in Russian. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2011, 21 (1): 251-265. (In Russian)
- Пенькова 2012 — Penkova Ya. A. *Finite formations from the stem bud- in the language of Russian writing 12th — the first half of the 16th centuries (morphology, semantics, syntax)*. Abstract of the thesis for PhD in Philological Sciences. Moscow, 2012. (In Russian)
- Пенькова 2016a — Penkova Ya. A. Indefinite pronouns with formants *nibud'* and *libo / l'ubo* in the 15th–17th century Russian: a corpus study. In: *El'Manuscript 2016. Rašytinis palikimas ir informacinės technologijos. VI tarptautinė mokslinė konferencija Pranešimai ir tezės. Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22–28 d.* Vilnius: Iževskas, 2016. P. 280-284. (In Russian)
- Пенькова 2016b — Penkova Ya. A. The history of indefinite pronouns with the formant *nibud'* in Russian and the problem of their lexicographic description (on the data from the Russian National Corpus). In: *Leksikografiata v nachaloto na XXI v. Sbornik s dokladi ot Sedmata mezhdunarodna konferentsiia po leksikografiia i leksikologiia*. Blagoeva D., Kolkovska S. (ed.). Sofia, 2016. P. 626-632. (In Russian)
- Пенькова 2017a — Penkova Ya. A. Novgorod and Moscow candidates for the role of indefinite pronouns in the 15th century Russian official documents. *Drevniia Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017, (1): 110-116. (In Russian)
- Пенькова 2017b — Penkova Ya. A. To the history and pre-history of the word *budto* in the Russian language of the Middle Ages. In: *I. I. Sreznevskii i russkoe istoricheskoe iazykoznanie: K 205-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Sreznevskogo (1812–1880): sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 21–23 sentiabria 2017 g.* Osipova E. P. (ed.). Riazan', 2017. P. 69-76. (In Russian)
- Пенькова 2019 — Penkova Ya. A. *Imu, uchnu, stanu, budu: A Corpus-Based Study of Periphrastic Future Constructions in Middle Russian*. *Slavistična revija*. 2019, 67 (4): 569-586. (In Russian)

- Плунгян 2003 — Plungian V. A. *General morphology: an introduction to the problematic*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 384 p. (In Russian)
- Пожарицкая 2010 — Pozharitskaia S. K. Modal words, derivated from the verbs byt', byvat', in Northern dialect speech. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010, 19 (1): 103-131. (In Russian)
- Селиверстова 1988 — Seliverstova O. N. *Pronouns in language and speech*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 151 p. (In Russian)
- Татовосов 2002 — Tatevosov S. G. *Semantics of the constituents of a noun phrase: quantifiers*. Moscow: Nasledie Publ., 2002. 240 p. (In Russian)
- Шевелева 2002 — Sheveleva M. N. Destiny of the present tense forms from the verb byti according to the data from Old East Slavic monuments. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. 2002, (5): 55-72. (In Russian)
- Шевелева 2006 — Sheveleva M. N. Vernacular constructions with forms of the verb byti in the Pskov chronicles. In: *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova*. Moldovan A. M. (ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006. P. 215-241. (In Russian)
- Шелякин 1978 — Sheliakin A. M. On the semantics and the use of indefinite pronouns in the Russian language. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. 1978, (442): 3-22. (In Russian)
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 364 p.
- Růžička 1973 — Růžička R. Kto-to und kto-nibud'. *Zeitschrift für Slawistik*. 1973, 18 (5): 705-736.

Received: September 20, 2020

Accepted: December 3, 2020